

Алекс Норк

НОЛЬ ЧАСОВ

ПО МОСКОВСКОМУ
ВРЕМЕНИ

Новелла II

38

ПЕТРОВКА

УЛИЦА

Алекс Норк
**Ноль часов по московскому
времени. Новелла II**

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6900181

Аннотация

Вторая новелла серии по материалам Дмитрия Шадрина. Рекомендуется читать ее после первой новеллы, где (и коротко в аннотации) указана структурное своеобразие текста, а также аудитория, которой следует (или «не») тратить на чтение время.

Алекс Норк

Ноль часов по московскому времени. Новелла II

Коллекционеры.

Слово отдает культурой и даже некоторым благородством. Это для дилетантов, а для профессионалов – почти наоборот.

Да, были отдельные бескорыстные собиратели, которые жертвовали потом коллекции в общенародную собственность. Братьев Павла и Сергея Третьяковых все знают, были и будут другие. Однако реальных коллекционеров целая армия. И армия эта, как бы сказать, очень нерегулярного состава. То есть полно там разного контингента, и в том числе – звериной породы.

Не очень-то удивляйтесь, разберемся, сперва, с категорией «коллекционер» психологически.

Кто он такой по натуре? Можно ли определить его одним словом?.. Можно: игрок. Потому что наращивать коллекции удастся только существенно дешевле покупая, либо гораздо дороже купленного продавая, а чаще – присутствует оба действия вместе.

Но хотели бы вы, чтобы ваш отец, муж, брат... был игрок? Сразу слышно дружное: «Не-ет!»

То-то, господа. Коллекционер – фанат своего ремесла, и, как у всякого фаната, близкие люди у него где-нибудь на четвертом месте, а вы – про культуру и благородство; ни то ни другое – за редким, разумеется, исключением – там и не ночевало.

Игрок, он рядом с другим понятием-словом: «барыга». Рядом.

Конечно, оно не одно и то же.

Что еще можно сказать о психологии коллекционера?

Он фетишист. То есть предметы его собирательства, как правило, обожествляются, становятся объектами почти (иногда без «почти») культового обожания, оно же и – преклонения. А ради божества человек пойдет очень на многое.

И идут.

Поэтому армия коллекционеров, опять помимо некоторых внутри себя исключений, это армия мародеров.

Дальше спросим: как создается большинство коллекций?.. Нет, не у них спросим, они-то расскажут «на голубом глазу», что по наследству: прадедушка еще был собиратель, потом дедушка... хотя легко выяснить, что дедушка был всего лишь укладчиком на спичечной фабрике, а прадедушку, в молодые еще его годы, расстреляли за спекуляции хлебными карточками. Или по-другому как-нибудь складывалось, но похоже.

В действительности рынок антиквариата – самый хищный рынок. Здесь, не знаящей истинной цены бабушке, постара-

ются дать еще меньше, чем она, бедная, просит. Здесь всюду обращается фальсификат (фальшак), но о нем чуть ниже.

Как и в прошлое советское время, в новую эпоху рынок антиквариата делится на легальный и теневой. Только раньше магазины с этим добром были государственными, а теперь они частные. Модель же поведения хозяев и служащих нисколько не изменилась: шкурничество, рвачество, обман. Это не значит – везде и всегда и по каждому принесенному к ним предмету, – исключений, конечно, достаточно, ведь и на цыганском рынке могли продать вполне недорого хорошую лошадь, но «ухо» – и там и здесь – надо держать очень «остро»!

Ментовка, и советская и теперешняя, совсем не жаловала коллекционеров. И хлопоты в их среде имела те же самые: ограбление, либо убийство с ограблением.

– Убийство антиквара, Дима, – сообщил Михалыч, еще не до конца открыв нашу дверь.

– Ограбление?

– Вряд ли просто так убивали. Но детали узнаете с Алексеем на месте.

– А где?

– На Пречистенке. Готовьтесь на выезд.

Мы с Лёхой готовились уже совсем к другому – посидеть в любимом кафе парка Эрмитаж.

Время – без пяти семь.

А тут, такая работа.

Делать нечего – выезжаем через несколько минут, с нами, естественно, эксперт-фотограф. «Медицина» должна выехать следом.

Пречистинка недалеко – тут вдоль бульваров рукой подать.

Но пробки.

Причем на нашу милицейскую сирену мало реакций – людям просто некуда отодвинуться.

Доезжаем, в итоге, минут за двадцать.

Дома тут сталинских капитальных построек с очень дорогим метражом. А этот с уже отреставрированным фасадом. У подъезда – местная ментовская машина и прогуливается экипаж.

Старший докладывает: прибыли, так как племянница покойного потребовала вскрыть автогеном дверь. Больше ничего сообщить он не может. И вообще ему наплевать, у них тоже кончается смена, спрашивает с надеждою: «Больше мы не нужны?»

Прощаемся и поднимаемся на третий этаж, где нас ожидает та, значит, племянница.

Фотограф начинает щелкать уже на лестничной клетке, потому что есть что: у квартиры двойная защита – крупночеистая впаянная решетка закрывает всю поверхность внутренней металлической двери, в решетке своя дверь – она

приоткрыта, и приоткрыта внутренняя дверь – для нас, следует понимать.

Отмечаю: расстояние между решеткой и главной внутренней дверью – сантиметров десять-двенадцать.

В целом, отличная защитная композиция; тем более, нет сомнений, обе двери, когда хозяин уходит, ставятся на сигнализацию в ближайшем тут отделении.

А вот нам навстречу, услышав, наверное, голоса, появляется женщина.

Привлекательная – это без деталей первое впечатление.

Проходим внутрь, рассматривая женщину сзади, тут тоже всё хорошо.

– Марина Красовская.

И мы с Лешой представляемся, эксперт никогда этого не делает и уже приступает щелкать общие планы.

Женщина – с темными глазами шатенка. Возраст... сразу не поймешь, но какой-то уже не девчачий.

Проходим в большую комнату...

Угу, пожилой человек в откинутой в кресле позе... коротко стриженные волосы с заметной сединой, рот полуоткрыт... на столе белый кофейник на такой же белой подставке, две белые чашки – в каждой остатки кофе – у него и кого-то сидевшего сбоку.

Кофейные принадлежности привлекают к себе и непонятным мне образом говорят, что они непростые и совсем не дешевые.

Замечаю теперь золотые очень тонкие узоры на чашках.

Леша уже ответил на вопрос хозяйки о едущих вдогонку нам медэкспертах и спросил, как она определила, что смерть – результат убийства.

– По двум явным признакам. Понюхайте его чашку, там запах горького миндаля.

– А вы руками тут не очень?

– На столе вообще ничего не трогала. Понюхайте.

Леша осторожно подходит, чтоб не задеть труп.

Наклоняется и сильно тянет носом...

Утвердительно, с кислой миной, кивает мне головой.

Запах этот долго не держится, значит, смерть произошла, м-м, не более трех часов назад... ну, три с половиной.

– А сколько времени вы здесь, Марина...

– Сергеевна. Но можно просто по имени. Сейчас точно скажу, – она смотрит на ручные часы, – пятьдесят две минуты. Но это здесь, в помещении.

Потом, в машине, я скажу Леше: «Крайне спокойная дама при таких обстоятельствах». – «А коньяк? Я близко стоял. Знаешь, как от нее отдавало? Отличный, между прочим, коньяк, запашок – одно удовольствие».

– Пожалуйста, расскажите всю хронологию. И про второй признак убийства что-то хотели сказать.

– Есть еще третий.

– Какой?

– Самоубийство не совершают на следующий день после

покупки нового автомобиля. Но по порядку. Сегодня мы с моим будущим супругом подали заявление в ЗАГС и отмечали это событие в его ресторане, тут недалеко на Суворовском бульваре. Дядя в первой половине дня находился на антикварном аукционе. Я позвонила ему около двух часов дня, и он пригласил нас обоих во второй половине сюда к себе.

— Без точного времени?

— Да, он знал, что мы сначала отправимся отмечать событие в ресторан.

— Понятно.

Я уже рассматриваю эту комнату-полузал, где стол с несчастным хозяином занимает лишь небольшое место в центре, а всё остальное почти что музей: в двух углах огромные старинные китайские вазы — кажется, парные, на стенах не меньше десятка картин — что-то из Возрождения и из нашего времени; потом узнаю: здесь и Кустодиев, Филонов, Наталья Гончарова...

— Алло, капитан, вы меня слушаете?

— Да, вы сказали: ваш жених поехать не смог и без чего-то шесть вы выехали сюда сами. На чём, кстати?

— К ресторану вызвали такси.

— А вот китайские вазы... — не выдержал Лёха, который тоже рассматривал это художественное изобилие.

— Восьмого века. Парные вазы из императорского дворца.

— И сколько, простите, они?

— Тысяч семьсот.

– В долларах?!

– Здесь всё в долларах, молодой человек.

Я дал знак Алексею не лезть, а даме кивнул продолжить.

– Приехав, я увидела автомобиль дяди недалеко от подъезда. Поднялась, на звонок в дверь никто не отвечает. Сигналю по пейджеру – никакого ответа. Тут я подумала – сердце! У него стенокардия, полгода назад пролежал по этому поводу в госпитале, ну и решила – приступ, и надо срочно спасать.

Она остановилась и будто только сейчас увидела труп.

Замерла на несколько секунд... развернулась и пошла к ампириному шкафу на гнутых ножках.

– Коньяка хотите?

Мы отказались.

Дама очень быстро хлопнула рюмку и ничем не заела.

Шум на лестнице – бригада подъехала, должен прибыть медэксперт с двумя санитарами и дактилоскопист.

Леша пошел встречать.

– Про еще один признак убийства, – напомнил ей я.

– Да. И едва ли не основной. Там в соседней комнате, – она махнула рукой за спину, через внутреннюю открытую дверь просматривалась вторая большая комната, – портрет Рембрандта. То есть – был портрет Рембранда... простите, опять неправильно сказала: там портрет Рембрандта, но не тот – оригинальный, а фальсификат. Понимаете?.. Фальшак.

Я понял, но на всякий случай ее слова повторил.

– Именно так, капитан.

– А как вы подмену определили?

В выражении ее лица почти ничего не изменилось, но эта маленькое «почти» показало, вполне ясно, что я ляпнул откровенную несуразицу.

– Во-первых, я сама художник. Во-вторых, знаю здесь всё наизусть. В-третьих, есть вещи, которые сразу бросаются профессионалу в глаза. Это не тот портрет.

Она вдруг потеряла прямую осанку, красивое ухоженное лицо изменило возраст, добавив сразу лет семь, – скрывавшееся нервное напряжение вышло наружу.

И обстановка вокруг изменилась от приехавшей компании – громкой, нецеремонной...

– Можно я оставлю ключи и поеду домой?

– Конечно.

Держать и расспрашивать человека в таком состоянии глупо, даже если отбросить соображения элементарной гуманности.

К десяти вечера мы все-таки добрались до Эрмитажа.

Но на квартире задержались еще около часа после ухода Марины. На прощание дактилоскопист попросил у нее «пальчики».

Труп скоро увезли, медэксперт почти сразу сказал, что в отравлении цианистым калием он не сомневается, смерть произошла почти мгновенно. Каким-то образом он заметил,

что человек попытался подняться, но рухнул в кресло, откинувшись на спину.

— Дам дополнительную информацию после вскрытия, но на что-то новое-интересное особенно не надейтесь.

Дактелоскопист приступил к своему делу, а мы отправились рассматривать квартиру.

Трехкомнатная, две большие, одна маленькая.

В маленькой тоже кое-что стояло и висело, но обстановка тут была, так сказать, домашней. Небольшой письменный стол, кресло с торшером и удобная софа — это место отдыха хозяина от своего собственного музея.

Зато вторая большая комната оказалась интереснее первой.

Иконы — Лешка насчитал тридцать семь; несколько крупных крестов — пара из них таких древних, что восстановлены только частично; кубки церковные, в том числе с отделкой полу— или совсем драгоценными камнями, — эти были заперты в шкафу со стеклянными, но очень толстыми стенками; еще какие-то церковные атрибуты.

В иконописи я до сих пор ничего не понимаю, тогда — тем более, но от такой их близости и обилия что-то вроде рабоблепия мы ощутили — в хорошем смысле, вроде чувства высшего, надчеловеческого у нас возникало.

И время за этими осмотрами пролетело совсем незаметно. Пошли на кухню, чтобы выпить чаю. Приготовили быстро и позвали эксперта.

— А я как раз, слава богу, закончил. Тут, ребята, поработал вполне серьезный человек... ух, запах-то какой, что за чай?

Леша ткнул пальцем на банку с китайскими драконами.

Чай, вправду, оказался совсем особенным, и явно в нем были бодрящие компоненты.

Попили немного и эксперт продолжил:

— Значит так, на ручке внутренней двери отпечатки только покойного и племянницы. А с кофейными делами совсем интересно. Кроме чашки покойного — там его отпечатки — остальное затерто. На кофейнике и второй чашке ничего нет. И сразу скажу, бесполезно брать из второй чашки остатки на анализ слюны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.